Издательство „РОССІЯ“.

ВЫПУСКЪ № 3.

НАРОДОПРАВСТВО

Статьи

В. В. Шульгина

и А—ъ.

Ростовъ на Дону.
Тип. Т-ва „ВОСХОДЪ“
1918 г.

НАРОДОПРАВСТВО

Статьи: В. В. Шульгина и А—ъ.

1918

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 25524 1995

Государственныя проблемы

I.

Всеобщее и равное участіе въ государственномъ строительствѣ.

Опытъ насажденія у насъ новаго строя несомнѣнно не удался. Россія, надъ которой былъ произведенъ этотъ опытъ просто перестала существовать и если имѣется надежда, что возможно еще выздоровленіе, то это благодаря Добровольческой Арміи на югѣ, чехо-словакамъ на востокѣ и союзникамъ на сѣверѣ, т. е. благодаря факторамъ, которые менѣе всего можно причислить къ завоеваніямъ революціи.

Главной причиной этого развала вовсе не явился соціализмъ. Послѣдній явился не причиной, а лишь спѣдствіемъ развала. Самый же развалъ начался гораздо раньше, въ то время, когда никакихъ опытовъ соціализаціи и даже плановъ послѣдней не было.

Армія—эта первопричина смерти силы, а потомъ и развала страны, была разрушена уже въ первые дни переворота, съ момента ея демократизаціи, со времени знаменитаго приказа № 1, со времени ареста первыхъ офицеровъ и особенно созданія совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ,—и первая изъ нихъ—въ первые же дни революціи.

Все послѣдующее было только естественнымъ развитіемъ болѣзни. Демократизированная армія не могла не покинуть окоповъ, не могла не послужить матеріаломъ для созданія полчищъ красноармейцевъ, доканавшихъ Россію.

Самый большевизмъ былъ воспринятъ и имѣлъ успѣхъ на фронтѣ, какъ обыкновенное шкурничество.

Еще въ дни Тарнопольскаго прорыва, даже въ цитадели тогдашняго большевизма въ л.-гв. Гренадерскомъ полку, солдаты при указаніи на то, что уходъ съ фронта грозитъ лишить ихъ обѣщанной земли, откровенно отвѣчали: „пачъмъ мнѣ земля, если меня убьютъ".

Всѣ остальные вопросы соціальной программы интересовали ихъ еще меньше: о рабочемъ контролѣ и націонализаціи промышленности съ ними никто даже не говорилъ, а восьмичасовой рабочій день интересовалъ ихъ какъ прошлогодній снѣгъ.

Причемъ тутъ соціализмъ?

Дѣйствительной причиной всеобщаго развала явился совершенно ложный, противорѣчащій соціальной природѣ людей принципъ всеобщаго и равнаго участія въ государственномъ строительствѣ. Принципъ этотъ, провозглашенный въ первые же дни революціи, привелъ къ спѣдующему: во всѣ мѣста, гдѣ вопросы рѣшались демократіей, явились наиболѣе праздные и рѣшительные элементы, и подъ предводительствомъ наиболѣе безстыдныхъ демагоговъ стали „творить народную волю". А такъ какъ успѣхъ могъ быть купленъ демагогомъ только путемъ нагрыванія на наиболѣе низменныхъ страстяхъ, тѣмъ, что бы-

но къ рубашкѣ бѣлье, и получилась программа повсемѣстнаго жульничества: солдатамъ обѣщали возвращеніе домой, рабочимъ колоссальные заработки и короткій рабочій день, крестьянамъ—землю. Кто обѣщалъ больше, тотъ имѣлъ и большій успѣхъ. Побѣда большевизма, т. е. максимума обѣщаній было только вопросомъ времени. Тотъ, кто отставалъ въ обѣщаніяхъ просто выбрасывался за бортъ общественности.

Всѣ эти результаты были совершенно естественными послѣдствіями принципа всеобщаго и равнаго строительства. Всеобщее и равное участіе въ дѣлахъ—означаетъ диктатуру малобольшого многочисленнаго класса, численно подавляющаго всѣ остальные. Такъ совершенно открыто смотрятъ и откровенно въ томъ сознаются вожди соціализма. Всеобщее и равное избирательное право именно потому для нихъ и цѣнно, что ведетъ къ диктатурѣ пролетаріата, т. е. къ тиранніи, господству одного класса надъ другими.

А такая диктатура можетъ вести только къ господству классовыхъ интересовъ, замѣнивъ государственной точки зрѣнія—классовой. И это вполнѣ понятно: лица, у которыхъ государственная точка зрѣнія преобладаетъ надъ классовой, составляютъ исключеніе, къ какому классу они бы не принадлежали. Обыкновенный человѣкъ, ушедшій въ повседневную погоню за существованіе, естественно придаетъ исключительное значеніе своимъ хозяйственнымъ, и слѣдовательно классовымъ интересамъ, совершенно односторонне оцѣнивая интересы государственные. Каждый классъ склоненъ видѣть въ себѣ соль земли и придавать особое государственное и общественное значеніе своей дѣятельности, требуя присвоенія государственнаго аппарата къ своимъ нуждамъ. И въ этомъ не слѣдуетъ винить о нихъ рабочихъ: такую же первобытную себя допускали и интеллигенція и представители торговли и промышленности (буржуазія) и еще недавно первенствующее сословіе — представители дворянскаго землевладѣнія. Отсюда значительное отожествленіе своихъ классовыхъ интересовъ съ общегосударственными.

Психика человѣка какъ бы состоитъ изъ двухъ элементовъ: преобладающаго—классовыхъ интересовъ, меньшаго — дѣйствительнаго государственнаго пониманія.

При такомъ положеніи вещей a priori ясно, что должно получиться отъ пресловутой четырехвостки: классъ, численно преобладающій, всѣхъ задавитъ и свои классовые интересы поставитъ на мѣсто государственныхъ. Изъ свободы создастся тиранія, изъ равенства—господство односторонняхъ интересовъ класса, т. е. величайшее неравенство. Поэтому всеобщее и равное участіе въ государственномъ строительствѣ есть начало антидемократическое, т. е. начало, попирающее всякую свободу и равенство другихъ классовъ. Что это не одни отвлеченныя выкладки, показала вся исторія этого года. Насилія и произволъ никогда не царили въ такой неприкрытой формѣ, какъ именно въ теченіе года демократическаго управленія. Четырехвостка ведетъ не къ демократіи, т. е. господству всего народа, а къ охлократіи, т. е. господству черни.

А—ъ.

II.

Самодержавіе.

Въ прошлой статьѣ мы доказывали, что всеобщее и равное участіе въ управленіи, по крайней мѣрѣ для настоящаго момента, можетъ повести только къ тиранніи пролетаріата, чис-

менѣе прогрессивнаго всѣ остальные классы.

Было бы, однако, совершенно ошибочнымъ видѣть спасеніе въ самодержавіи.

Несомнѣнно самодержавіе въ свое время сыграло огромную роль въ государственномъ строительствѣ и общественномъ прогрессѣ. Недаромъ въ немъ повсемѣстно искала опору незначительная меньшая собственность противъ тиранніи феодаловъ, и съ помощью абсолютизма строила большія государства. Такъ было на западѣ, такъ было и у насъ въ эпоху собиранія Русской земли. Отвергать заслуги самодержавія въ этотъ періодъ исторіи—такая же ошибка, какъ видѣть въ немъ безотносительно лучшую форму правленія.

Все значеніе этой формы правленія для своего времени можно оцѣнить изучая, хотя бы нашу исторію середины XVIII вѣка. Несмотря на цѣлый рядъ ничтожнѣйшихъ правительницъ безъ государственнаго ума и пониманія государственныхъ задачъ—правительницъ, пребываніе коихъ на тронѣ представляло государственный скандалъ,—Россія не только не разваливалась, но росла и ширилась, дѣлала успѣхи въ экономическомъ и духовномъ отношеніяхъ. Пусть объяснятъ это г.г. демократы, развалившіе въ одинъ годъ то, что было построено между прочимъ и при этихъ царицахъ.

Но будучи въ свое время не только наиболѣе подходящей формой правленія, но даже единственно возможной (вспомнимъ гибель Польши съ ея свободными учрежденіями), эта форма таитъ въ себѣ рядъ отрицательныхъ сторонъ, дѣлающихъ ее непріемлемой въ преемникѣ поступательнаго движенія исторіи.

И дѣло здѣсь не въ случайныхъ качествахъ ея правителей—возможныхъ появленіяхъ на тронѣ бездарности и порокахъ, хотя и это весьма важно для оцѣнки отрицательныхъ сторонъ неограниченной монархіи. Неизмѣнно большое значеніе для настоящаго времени имѣетъ то, что и абсолютная монархія въ конечномъ итогѣ является господствомъ одного класса—класса, стоящаго у трона,—будь то помѣстное дворянство или правящая бюрократія. При сложности и обширности современныхъ государственныхъ задачъ даже лучшій изъ государей принужденъ смотрѣть на вещи глазами его окружающихъ, а эти окружающіе, какъ правило, представляютъ одинъ классъ со своими собственными классовыми интересами и съ взглядами на государственныя задачи черезъ свои классовыя очки. Поземельная аристократія создаетъ дворянскаго царя, каковымъ является Императоръ Александръ III, бюрократія—самодержавный мандаринатъ, каковой мы видимъ при Императорѣ Николаѣ II. Это всегда надо помнить при оцѣнкѣ самодержавія. Самодержавное управленіе существуетъ только de nomine, въ дѣйствительности всегда управляетъ классъ, стоящій у трона. Естественно, такое положеніе вещей возможно,—пока въ государствѣ существуетъ только одинъ классъ, способный къ управленію,—въ періодъ, предшествующій широкому образованію и гражданской свободѣ всѣхъ классовъ.

Съ появленіемъ послѣднихъ факторовъ преобладающее положеніе одного класса становится политической несправедливостью и господствомъ неограниченнаго классоваго интереса, повелительно требующимъ реформы. Отказъ въ послушаніи сверху ведетъ къ революціонному проведенію ея снизу. Поддерживать при такихъ условіяхъ самодержавіе—значитъ идти къ разложенію.

Самодержавіе для настоящаго вре-

мени было бы настолько же ошибочнымъ рѣшеніемъ вопроса, какъ и всеобщее и равное участіе въ управленіи. А—ъ.

III.

Ученый мандаринатъ.

Оба полюса государств. устройства —самодержавіе и такъ наз. „демократическая республика", т. е. республика, основанная на принципѣ всеобщаго и равнаго участія всего населенія въ строительствѣ государства, должны быть отвергнуты для настоящаго момента тѣмъ же основаніямъ: и тотъ и другой видъ государственнаго устройства ведутъ къ тиранiи одного класса надъ другими, къ подавленію остальныхъ классовъ, и къ лишенію ихъ дѣйствительной свободы и равенства.

Самодержавіе ведетъ къ самодержавію бюрократіи или аристократіи, четырехвостка—къ самодержавію пролетаріата вырождающемуся въ пугачевщину и самодержавіе демагоговъ. Четырехвостка никода не ведетъ къ демократіи, т. е. къ господству всего народа, а только къ охлократіи, т. е. господству черни. Въ этомъ отношеніи разница между самодержавіемъ и такъ называемой демократической республикой заключается лишь въ личности носителя власти: мѣсто дворянства или служебной бюрократіи занимаетъ такъ называемый пролетаріатъ, а въ остальномъ же объ формы правленія одинаковы: объ представляютъ классовую тиранію.

Вопросъ правильнаго государственнаго строительства и заключается въ томъ, какъ создать государственную форму правленія, въ которой государственные интересы не были заглушены классовыми?

Обыкновенно на этотъ вопросъ дается слѣдующій отвѣтъ: надо къ государственному строительству допустить государственно—мыслящіе элементы, т. е. тѣ элементы, которые стоятъ исключительно на государственной точкѣ зрѣнія. Особенно такой точки зрѣнія придерживается такъ называемая интеллигенція въ томъ числѣ и часть кадетской партіи. Имъ кажется, что требуемое рѣшеніе вопроса возможно вполнѣ достигнуть, введя образовательный цензъ (болѣе или менѣе высокій и устранивъ такимъ образомъ отъ участія въ управленіи наиболѣе темные элементы.

Не трудно, однако, видѣть что и эта точка зрѣнія является ничѣмъ инымъ, какъ своеобразной классовой точкой зрѣнія. Интеллигенція является носительницей начала образованности, и вотъ она требуетъ особаго привиллегированнаго положенія для этого начала. Незамѣтно для самой интеллигенціи происходитъ отождествленіе себя съ государственными (надклассовыми) элементами, не порабощенными классовыми интересами. Справедлива ли эта точка зрѣнія? Имѣетъ ли право, интеллигенція претендовать на внѣклассовую и чисто государственную роль, или это является лишь партійной близорукостью и самопереоцѣнкой?

Попробуемъ отвѣтить на эти вопросы.

Правда ли: 1) что интеллигенція является носительницей государственнаго разума и 2) что она чужда классоваго эгоизма?

1) Правильно ли, что интеллигенція является носительницей государственнаго разума? что говорятъ факты?

Въ томъ и заключается значеніе пережитаго нами періода, что онъ далъ практическую провѣрку общепринятымъ истинамъ, и, мы думаемъ, сама интеллигенція должна признать, что она не знала жизни и того наро-

да, управлять которымъ она претендовала, что она обанкротилась и принуждена нынѣ произвести переоцѣнку всѣхъ своихъ взглядовъ...

Да это и вполнѣ понятно. Государственное управленіе—искусство, которое, кромѣ *специальныхъ* знаній, какъ всякое искусство, требуетъ Божіей искры.

Много ли среди интеллигенціи лицъ со *специальной* серьезной подготовкой по государственному управленію? Хорошій математикъ можетъ быть совершеннымъ инвалидомъ въ практическихъ вопросахъ, тѣмъ болѣе въ спеціальныхъ вопросахъ государственнаго строительства. Одно—область умозрѣнія, другое—практическое примѣненіе этого умозрѣнія. „Философъ“ весьма часто остается „безъ огурцовъ“.

Но если среди интеллигенціи ничтожное меньшинство можетъ говорить о пройденной имъ спеціальной государственной школѣ, то спрашивается, сколько людей въ этомъ меньшинствѣ являются носителями спеціальнаго административнаго таланта и административнаго глазомѣра? Полагаю—единицы.

Поэтому совершенно необоснованно, если интеллигенція въ цѣломъ требуетъ себѣ признанія исключительной носительницы государственнаго разума. Въ своей массѣ—это та же толпа, но къ тому же толпа въ значительной степени оторванная отъ практической жизни.

Но если интеллигенція не можетъ претендовать на роль носительницы государственнаго разума, то тѣмъ менѣе она можетъ претендовать на роль носительницы государственной воли. Управленіе требуетъ не одного ума, не однихъ знаній, но и крѣпкой воли для осуществленія своихъ намѣреній—мужества борьбы. И вотъ этого то мужества совершенно нѣтъ у интеллигенціи въ массѣ. Тотъ же послѣдній годъ испытаній далъ намъ полную оцѣнку русской интеллигенціи—трусливой и безхарактерной, готовой итти на всѣ компромиссы, лишь бы сохранить жизнь и насколько возможно, имущество. При первомъ окрикѣ, съ какой бы стороны онъ не происходилъ, интеллигенція спѣшила поднять руки вверхъ и выговорить себѣ спасеніе уступками. Она не оказалась способной бороться и если и умирала, то не въ борьбѣ. При такомъ душевномъ багажѣ она не вправѣ претендовать ни на какія либо привилегіи въ дѣлѣ управленія.

2) Справедливо ли мнѣніе, что интеллигенція чужда классоваго эгоизма?

Утвержденіе это является однимъ изъ доказательствъ классовой близорукости, ровно ни на чемъ не основанной. Интеллигенція—это служилый классъ, предлагающій другимъ свой единственный товаръ—пріобрѣтенныя знанія. И вотъ надо согласиться, что все что она дѣлаетъ, она дѣлаетъ съ этой точки зрѣнія. Показателемъ является тактика кадетской партіи, этого органа русской интеллигенціи: она борется за власть, но развѣ это не въ ея интересахъ? Свои программы она мѣняетъ въ зависимости отъ положенія. При царяхъ это была партія конституціонная, т. е. монархическая, послѣ переворота она стала—республиканской. Теперь снова она принимаетъ конституціонныя формы. Во всѣхъ случаяхъ она борется не столько за извѣстный идеалъ, сколько за свое преобладающее положеніе, за свою роль руководительницы въ государственной и общественной жизни. На Украинѣ она съ приходомъ гетманщины приняла германофильскій характеръ и подъ именемъ Вѣны выработала типъ хохла-самостійника.

Что-все это: государственный разумъ или разновидность классовой борьбы?

Господство интеллигенціи, если бы такое осуществилось, являлось бы, какъ и самодержавіе и четырехвостка, такимъ же господствомъ одного класса. Это было бы классовое, а не государственное управленіе — ученый мандаринатъ.

Все, что мы говоримъ о кадетахъ не относится ко всѣмъ ея представителямъ, а къ партіи въ ея массѣ.

А—ъ.

IV.

Равновѣсіе классовъ.

Въ предшествующихъ статьяхъ мы указали, что ни самодержавіе, ни народоправство, ни преваллирующее положеніе интеллигенціи въ управленіи не смогутъ освободить управленіе отъ классоваго характера. Замѣна управленія въ указанныхъ направленіяхъ ведетъ лишь къ замѣнѣ гегемоніи и тиранін одного класса гегемоніей другого, а всякое классовое управленіе, будучи тиранiей одного класса ведетъ къ подавленію остальныхъ. Между тѣмъ, только такой порядокъ государственнаго управленія можетъ быть признанъ дѣйствительно государственнымъ гдѣ ни одинъ классъ не окажется задавленнымъ и гдѣ классовые интересы будутъ отодвинуты на второй планъ государственной точкой зрѣнія.

Путь къ достиженію этой цѣли имѣется лишь одинъ: подобно тому, какъ во внѣшней политикѣ свобода народовъ обезпечивается *системой ихъ равновѣсія*, такъ и внутри государства свободное развитіе классовъ возможно только при *системѣ равновѣсія классовъ*. Послѣднее можетъ быть достигнуто лишь при такой системѣ управленія, въ которой каждый классъ будетъ пользоваться равнымъ участіемъ въ государственномъ строительствѣ—при системѣ равенства классовъ (а не индивидумовъ). Каждый классъ (напр. буржуазія, землевладѣльцы, мѣщанство, крестьянство, пролетаріатъ, интеллигенція), должны имѣть право посылать отъ себя (т. е. отъ класса) относительно равное число представителей въ законодательные органы и мѣстныя самоуправленія. При такомъ положеніи вещей классовыя стремленія будутъ парализоваться противоположными интересами и стремленіями другихъ классовъ и получитъ проявленіе только то, что обще всѣмъ классамъ—*государственная точка зрѣнія*. Въ одной изъ предшествующихъ статей мы указывали, что психика человѣка состоитъ какъ бы изъ двухъ частей: преобладающей—классовыхъ интересовъ и меньшей—государственнаго пониманія. При преобладаніи одного класса въ управленіи, преобладающая классовая точка зрѣнія должна заглушить государственную при равновѣсіи классовъ—классовыя точки зрѣнія взаимно нейтрализуются и остается одна—государственная точка зрѣнія.

Система равновѣсія классовъ не является чѣмъ то новымъ, незнакомымъ исторіи. Напротивъ, именно эта система лежала въ основѣ всѣхъ представительныхъ учрежденій,—начиная отъ англійскаго парламента и кончая нашими земскими соборами.

Повсюду представительство было основано не на принципѣ всеобщности и равенства, а на классовомъ представительствѣ. Въ засѣданія представители являлись не представителями, избранными всѣми классами, а каждый изъ представителей являлся представителемъ своего класса, интересы котораго они представляли и защищали. Это были не внѣклассовые представители, а представители

землевладѣнія, промысловъ, городского мѣщанства и т. п.

Система равновѣсія классовъ—это истинная природа земскаго начала.

Исторія лучше всякаго умозрѣнія отвѣтила насколько раціонально и плодотворно было это начало. Англійское классовое представительство создало свободу и силу Англіи и послужило образцомъ для всѣхъ остальныхъ государствъ; наши земскіе Соборы строили Россію въ самую тяжелую для нея пору и проявили несомнѣнную государственную мудрость. Если же и были уклоненія въ направленіи классовыхъ привиллегій, то лишь потому, что система равновѣсія классовъ по совершенно понятнымъ для того времени причинамъ, не могла быть проведена до конца.

Все же нѣкоторые классы или совершенно не были представлены или были представлены въ недостаточномъ количествѣ.

Система равновѣсія классовъ — единственная *государственная* система управленія. Если Россіи удастся возстановить свою прежнюю мощь, то лишь при наличіи представител. учрежденій, избранныхъ на земскомъ началѣ—равновѣсіи классовъ.

А—ъ.

Старое и новое.

Есть на бѣломъ свѣтѣ такая газета,—„Кіевская Мысль“ глубоко характерная газета. Удивительно типичная вообще для еврейской печати, пишущей по русски.

Вся премудрость этой газеты, какъ и многихъ другихъ, состоитъ въ раздѣленіи людей на „нашихъ“ и „не нашихъ“.

„Наши“—это соціалисты. Всѣ остальные не изъ нашихъ. Это унылая тактика великихъ людей на малыя дѣла. Она весьма простая: мажь всѣхъ „не нашихъ“ черной краской.

И мажутъ. Мажутъ аляповато, глупо, неразборчиво... И рядомъ съ дѣйствительно темными мѣстами, которыя и мазать не надо, потому что и такъ очевидно, что „темное“ замазываетъ все чистое и свѣтлое, чѣмъ по справедливости гордилась Россія.

За тысячу лѣтъ своего существованія русскій народъ, ведя смертельную борьбу съ враждебными стихіями, создалъ колоссальнѣйшую имперію, которая давала сто семидесяти милліонному народу жить и дышать. Какъ во всякомъ огромномъ человѣческомъ дѣлѣ здѣсь были и свѣтъ и тѣни. Были минуты страшнаго паденія, были блестящія эпохи. Люди которые могутъ спокойно относиться къ великимъ процессамъ, всегда помнятъ замѣчательныя слова поэта:

Своихъ царей великихъ вспоминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,
А за грѣхи, за темныя дѣянія
Спасителя смиренно умоляютъ...

Но, гдѣ ужъ „Кіевской Мысли“ возвыситься до этого пониманія.

Видите-ли, во главѣ Россіи никогда не стоялъ никто „изъ нашихъ“. Поэтому вся величественная исторія государства, занявшаго шестую часть міра, представляется этимъ куриннымъ философамъ сплошнымъ скверянымъ анекдотомъ.

—Такъ вѣдь они не „изъ нашихъ“. Ну, такъ мажь ихъ черной краской.

И вотъ почему „Кіевская Мысль“ и всѣ, кто съ ними, будутъ до скончанія нашихъ дней нашей тѣнью, которая будетъ преслѣдовать насъ хотя бы мы заѣхали на край земли. И это потому, что между нами непроходимая психологическая пропасть.

Для насъ не существуетъ „нашихъ“ и „не нашихъ“. Конечно, мы можемъ ошибаться и, навѣрное, постоянно ошибаемся, какъ каждый человѣкъ, но мы добросовѣстно готовы отмѣчать дурное у себя, какъ и хорошее у другихъ.

Послѣ этого вступленія перейдемъ къ очереднымъ дѣламъ. Вотъ что пишетъ „Кіевская Мысль“ въ передовой отъ 8-го сентября.

„Но больше всего во всемъ этомъ поражаетъ гордый видъ штатскихъ и военныхъ генераловъ! Почитайте, напримѣръ, рѣчи и приказы Краснова, Деникина и другихъ, сдобренные творчествомъ тайныхъ царскихъ совѣтниковъ и идеалогіей, управляющаго „политической частью“ господина Шульгина—сколько въ нихъ самоувѣренности и презрѣнія къ другимъ! Все это—чистые голуби среди стаи воронов и разрушителей, посланные самимъ небомъ наши ангелы спасители и хранители. Они говорятъ и дѣлаютъ, точно отшило у всѣхъ память, и перепуганный обыватель никогда не собирается съ мыслями чтобы въ длинной вереницѣ обществен

нихъ силъ, дѣйствовавшихъ въ предреволюціонное и революціонное время каждаго поставить на надлежащее мѣсто."

И вотъ „Кіевская Мысль" ставитъ на надлежащее мѣсто. Какимъ же это образомъ?

А вотъ какимъ.

Какъ А. И. Верховскій министръ книжку. Мы его лично не знаемъ. Быть можетъ это тотъ самый генералъ, который недавно занималъ что-то демократическихъ гласностей при Керенскомъ. Но въ данномъ случаѣ это безразлично. Быть или другой А. И. Верховскій написалъ книжку „Россія на Голгофѣ". И вотъ изъ этой книжки „Кіевская Мысль" торжественно приводитъ „потрясающіе факты.

Потрясающіе эти факты относятся ли особенности, такъ сказать, сжатость" и состоятъ въ томъ, что въ 1915-омъ году у Россіи не было снарядовъ, было плохая винтовочная разводка, перевязочныхъ пакетовъ артиллеристовъ было очень мало, какіе-то „писаря нѣсколько дней не получая горячей пищи" исходя гдѣ-то питались сухой съ крынъ, какія-то типографіи забыла краски, бумагу и станокъ, какая-то типографская колонка привезла свой типографскій уголь и тамъ какъ-то въ этомъ родѣ сказали въ сумку изъ „Вѣстника Верховнаго, который онъ далъ въ 1915 году.

Какое отношеніе это имѣетъ къ генералу Деникину, стоящему во главѣ Добровольческой Арміи, и какимъ образомъ при помощи генерала Верховскаго это можно поставить на „надлежащее мѣсто",—это тайна автора. А впрочемъ не все ли равно: Деникинъ не „изъ нашихъ" (не запомнили ни въ партіи эсъ-эровъ, ни въ партіи «съ-дековъ). Ну такъ мало ли что порой-гицей имѣетъ съ тѣмъ интеллигентомъ, который типографскую краску въ типографіи выпачкалъ, не при

Нѣтъ, господа", такъ не добровольческая армія должна быть сейчасъ поставлена на надлежащее мѣсто. Какое? Вопросъ о томъ, кто виноватъ въ томъ, что русская Армія въ то время, предоставленная самой себѣ, была обезсилена, 1918-го года увидѣла съ февраля 1917-го, можно, что не будетъ, какъ правильно обвинительный актъ, если бы, какъ, конечно бы то ни сказалъ въ прямомъ ея составѣ.

Мы очень хорошо помнимъ, что было, которую мы имѣли, какъ достигнуть этого, какъ ее потомъ потерять.

Россія вступила въ войну съ большимъ запасомъ снарядовъ, оставшихся въ 1909 году

Русской Царь „в нашей по пре Это было утвержденіе нитовать сна ки казались чемъ очень я ши показать, тяжкое поло ное гнѣздо гаварщины и ложь сво рыхъ ошибо тоже такія живое и уж популярный смѣяться

Но можетъ быть эсъ-эры и эсъ-деки оказались предусмотрительнѣе? Можетъ быть они въ своихъ выступленіяхъ съ каѳедры Государственной Думы, предвидя войну съ Германіей и для того, чтобы не было „потрясающихъ“ фактовъ въ дневникѣ Верховскаго, требовали увеличенія военныхъ кредитовъ, требовали, чтобы вся промышленность страны была мобилизирована и милитализирована, какъ это было сдѣлано впослѣдствіи? И если они не могли это сдѣлать въ Государственной Думѣ, то можетъ быть они призывали къ этому въ печати? А если могли не сдѣлать въ легальной печати, то можетъ быть они дѣлали это въ нелегальныхъ прокламаціяхъ, призывая Россію увеличить производство снарядовъ до предѣла?

Мы надѣемся, что „Кіевская Мысль“ согласится съ нами: если бы эсъ-эры и эсъ-деки, подняли кличъ о необходимости усиленія Государственной обороны, то „помѣщичья“ Государственная Дума, которая во главѣ всей своей дѣятельности поставила именно государственную оборону, на этотъ разъ не осталась бы глуха къ „волѣ народа“.

И пусть намъ по совѣсти отвѣтятъ: кто изъ „нашихъ“ не вопилъ противъ милитаризма, противъ невыносимой тяжести бюджета, который высасываетъ „послѣднюю копѣйку“ изъ народа *на снаряды*, не оставляя ничего на „просвѣтительныя“ надобности?

Кто изъ васъ „безъ грѣха“, бросьте камень.

Запасъ въ 5 милліоновъ снарядовъ сталъ быстро истощаться на поляхъ Галиціи. И уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1914-го года, главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ генералъ Николай Іудовичъ Ивановъ доносилъ Великому Князю Николаю Николаевичу, что при томъ расходѣ снарядовъ, которымъ покупаются галиційскія побѣды, снарядовъ не хватитъ и что необходимо сейчасъ же употребить всѣ мѣры для увеличенія производства. Докладъ этотъ былъ немедленно переданъ генералу Сухомлинову.

Какъ извѣстно, Государственная Дума, собравшись на одинъ день въ іюлѣ мѣсяцѣ, больше не собиралась. Но въ среду членовъ Государственной Думы проникли свѣдѣнія объ истощеніи снарядовъ и уже въ январѣ мѣсяцѣ 1915-го года состоялось частное совѣщаніе правительства съ членами Государственной Думы, въ которомъ генералъ Сухомлиновъ далъ объясненія. Объясненія его были успокоительны въ томъ смыслѣ, что все сдѣлано.

Такія же объясненія военный министръ давалъ и Великому Князю Верховному Главнокомандующему. Однако у Великаго Князя родились сомнѣнія въ цифрахъ, которыя ему предоставляли, и въ февралѣ мѣсяцѣ онъ вызвалъ лицо, которому онъ довѣрялъ и которое намъ лично разсказывало о положеніи Ставки.

Въ сводкахъ все обстояло благополучно. На каждый мѣсяцъ ожидалось поступленіе снарядовъ въ такомъ размѣрѣ, что они не могли покрыть существующую потребность. Однако, эти снаряды упорно не поступали.

Дѣло было очень просто. Не надѣясь на свои заводы, а можетъ быть по другимъ причинамъ, Сухомлиновъ огромное количество заказовъ далъ Америкѣ. Сроки поставокъ были расчитаны такъ, что, если бы они были выполнены, все было бы очень хорошо.

Но опытному взгляду сразу бросилась въ глаза техническая неосуществимость этихъ сроковъ. И дѣйствительно, какъ впослѣдствіи оказалось, эти американскіе заказы опоздали на полтора года.

Весной 1915-го года тревога, охватившая членов Государственной Думы, которым въ тому времени картина недостатка снарядовъ совершенно выяснилась, заставила ихъ всѣми доступными путями требовать, чтобы что-нибудь было сдѣлано. Во главѣ этой кампаніи сталъ предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко, который и добился того, предварительно объѣхавъ Юго-Западный фронтъ, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1915-го года было образовано *Особое Совѣщаніе по Государственной Оборонѣ*.

Почти одновременно былъ уволенъ Сухомлиновъ, а впослѣдствіи преданъ суду.

Вотъ, когда „Кіевская Мысль“ будетъ ставить каждаго на свое мѣсто, пусть она не забудетъ также поставить на соотвѣтствующее мѣсто и Совѣщаніе по Государственной оборонѣ и тѣхъ лицъ, которыя въ немъ работали.

Я просидѣлъ въ немъ съ августа мѣсяца до самаго конца и свидѣтельствую нижеслѣдующее.

Несмотря на крупные дефекты (громоздкость, излишняя болтливость отдѣльныхъ членовъ, неподготовленность многихъ: политиканство нѣкоторыхъ) Совѣщаніе по Государственной оборонѣ было тѣмъ учрежденіемъ, которое имѣло возможность и имѣло мужество брать на себя тѣ отвѣтственные шаги, которые были необходимы и которые по условіямъ сегодняшняго времени никто, кромѣ Совѣщанія принять не могъ.

Благодаря этимъ отвѣтственнымъ рѣшеніямъ, благодаря твердо разъ намѣченному пути—дать Арміи во что бы то ни стало, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, все что ей нужно—и была сдѣлана та работа, которая началась весной неодолимой.

Уже весной 1[illegible]-го года [illegible]лъ нашъ своевременное, окончательное наступленіе. Это наступленіе [illegible]го оно могло [illegible] Армія. Русскими [illegible] открытыхъ тогда уже [illegible]рыть столько [illegible]ские полки. Вмѣсто [illegible]ное итти на Берлинъ. Мы [illegible] передъ [illegible] многихъ мѣстахъ [illegible] забылъ какую [illegible]ваны на брусиловскій [illegible]фензивъ артиллерійскими [illegible]ніи отбивать [illegible]скихъ снарядовъ, [illegible]ходили въ какой [illegible] атакамъ, а другіе [illegible]ръ подъ огнемъ [illegible]пушекъ пріобрѣтали [illegible]я запасались ими [illegible]гребались своимъ [illegible]ковъ.

Къ сожалѣнію, [illegible]ской Мысли“ могу сообщить, что [illegible]русиловское наступленіе было с[illegible]но при [illegible]чтобъ самый [illegible]ніи добыть, [illegible]стремленію Со[illegible]ванной оборонѣ, [illegible]драться. Опра[illegible]ной преградой, [illegible], въ нихъ цѣлаго [illegible]снарядовъ, тѣхъ [illegible]фетахъ проявлялъ [illegible]особность, кото[illegible]. Пусть не забу[illegible]дитъ и имъ „Кіе[illegible]г Мысль“, когда [illegible]удетъ ставить [illegible]на свое мѣсто“.

Пусть никто [illegible]будетъ сказана [illegible]ливость. [illegible]ямо скитаясь, [illegible]ова. Это много [illegible]питаемъ, что они [illegible]нимъ имѣть и [illegible]ному пути. Но [illegible]крови. Архимед[illegible]ше болѣе вѣка

тельнаго отношенія къ безспорно назрѣвшимъ нуждамъ. Но справедливость обязываетъ насъ сказать, что одно изъ самыхъ важныхъ рѣшеній Особаго Совѣщанія было въ значительной мѣрѣ принято, благодаря упорству Маркова 2-го.

Надо сказать, что масштабы войны все расширялись и требованія Ставки къ Особому Совѣщанію увеличивались.

Былъ періодъ, когда Ставка настаивала на пятидесяти паркахъ (одинъ паркъ равняется тридцати тысячамъ снарядовъ) полевыхъ снарядовъ въ мѣсяцъ. Въ состоявшемся по этому поводу обмѣнѣ мнѣній Марковъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: потребовать отъ главнаго артиллерійскаго управленія, чтобы оно приготовляло не пятьдесятъ парковъ, какъ требуетъ Ставка, а сто парковъ.

Многимъ показалось это чрезмѣрнымъ. Но Марковъ настоялъ на своемъ, и Особое Совѣщаніе приняло рѣшеніе: потребовать сто парковъ. Сообразно съ этимъ рѣшеніемъ артиллерійское вѣдомство напрягло всѣ усилія и сдѣлало казавшееся невозможнымъ. Оно стало вырабатывать сто парковъ. И благо ему было, ибо война разросталась въ нѣчто чудовищное, и скоро требованія Ставки превзошли и эту цифру.

Въ результатѣ твердой линіи, которую вело Особое Совѣщаніе, линіи, не знавшей ни колебаній, ни отступленій, въ веснѣ 1917-го года, роковой веснѣ, когда „русскіе нервы не выдержали", Россія была снабжена невиданнымъ количествомъ пушекъ и снарядовъ. Запасъ, накопленный къ этой веснѣ, превышалъ тридцать милліоновъ однихъ полевыхъ снарядовъ. Если бы весь фронтъ отъ моря до моря началъ наступать одновременно, (вещь совершенно невозможная) онъ могъ бы вести непрерывный интенсивный огонь въ теченіи двадцати пяти сутокъ на одни только запасы, не считая текущаго производства. Послѣднее, если память мнѣ не измѣняетъ, было доведено до 150 парковъ легкихъ и тяжелыхъ въ мѣсяцъ.

Вотъ когда „Кіевская Мысль" будетъ все ставить на свое мѣсто, пусть она помнитъ слѣдующее. Дѣятели стараго режима были, конечно, виноваты въ отступленіи 1915-го года. Но „старая Россія", до-революціонная, нашла въ себѣ и силы, и мужество, и умѣніе безпощадно вырвать изъ своей среды (не взирая на „нашихъ" и „не нашихъ") главныхъ виновниковъ бѣды и затѣмъ въ теченіи двухъ лѣтъ изъ Арміи, которая жалко отступала, защищаясь чуть ли не камнями и палками, съумѣла вновь создать грозный фронтъ, который могъ залить противника ураганомъ свинца и желѣза.

Теперь пусть отвѣтятъ намъ: что же сдѣлали „наши". Тѣ революціонеры, которые съ такимъ азартомъ обвиняли старую Россію, тѣ, кто не удовольствовавшись Сухомлиновымъ и Штюрмеромъ, прогнали все, весь исторически накопившійся опытъ и знаніе страны и вмѣсто нихъ посадили митрофанушекъ изъ эсъ-эровъ и эсъ-дековъ.

Что они? Быть можетъ еще усилили русскій фронтъ? Быть можетъ устарѣлый артиллерійскій огонь, они замѣнили грозной лавиной „танковъ" тучей смертоубійственной мошкары, въ видѣ десятковъ тысячъ аэроплановъ, таинственнымъ свѣтовымъ лучемъ Эдиссона, стоверстной пушкой Вильгельма, или страшнымъ туманомъ ядовитыхъ газовъ, въ которыхъ задохнулся врагъ, осмѣливавшійся наступать на русскую землю.

Господа эсъ-эры и эсъ-деки, упрекающіе насъ въ самоувѣренности и въ презрѣніи къ другимъ,—отвѣтьте по совѣсти. Можемъ ли мы не прези-

Кто дышит [illegible] отношении

Семь лет [illegible] „в общем учительские кадры" [illegible] Учредительное Собрание.

Семь лет [illegible], и [illegible] с [illegible] [illegible] [illegible].

Но [illegible], поставить вопрос [illegible], [illegible] Учредительное Собрание [illegible] „свободными [illegible] [illegible]?

Найти [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Учредительное Собрание [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] „свободными [illegible] [illegible]".

Лучше [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

совать такъ, какъ требуетъ толпа, или же быть разорванными на части.

Мы однажды присутствовали при томъ, какъ, такъ называемыя, „жены запасныхъ" ворвались въ залъ засѣданія городской думы (избранной по четырехххвостк&) и изрыгая нечистовую брань и угрозы (и даже болѣе того), требовали отъ „представителей народа", чтобы они отпустили имъ не миліонъ, а полтора... Поучительное зрѣлище...

Но оставивъ въ сторонѣ свободу волеизъявленій самихъ „волеизъявителей", вспомнимъ при какихъ условіяхъ происходили самые выборы, когда солдатскія банды бродили по всѣмъ городамъ и весямъ Россійской Державы и агитировали выразительнымъ способомъ: неголосуйте-ка за кадетъ! Итакъ Черновское Учредительное Собраніе не было *ни свободнымъ* волеизъявленіемъ, ни *народнымъ* волеизъявленіемъ.

Всякое-ли Учредительное Собраніе является поддѣлкой воли народа?

Во всякомъ случаѣ это бываетъ очень часто. Но теоретически можно себѣ представить при необычайной добросовѣстности политическихъ партій нѣкое приближеніе къ народному волеизъявленію, если не принимать во вниманіе, что мнѣніе массы измѣнчиво, какъ море, съ которымъ ее не даромъ сравниваютъ.

Нѣтъ ли другого способа для волеизъявленія народа, кромѣ Учредительнаго Собранія?

Есть. Во-первыхъ есть *опросъ населенія*.

Опросъ населенія неизмѣримо ближе выражаетъ волю большинства населенія въ данный моментъ, ибо населеніе опрашивается по опредѣленному дѣлу, на которое оно и даетъ отвѣтъ.

Такъ, напримѣръ, если при помощи поголовнаго опроса населенія рѣшать вопросъ: признаетъ-ли русскій народъ Царя или нѣтъ? то, разумѣется, этимъ способомъ мы получимъ неизмѣримо болѣе приближающійся къ истинному желанію народа отвѣтъ, чѣмъ черезъ волеизъявленіе господъ псевдонимовъ, кривдами и неправдами, пробившихся въ Таврическій дворецъ. Разумѣется и здѣсь возможны грандіозныя злоупотребленія.

Есть и другія формы волеизъявленія народа. Напримѣръ, *всенародная присяга*. Это есть одна изъ древнѣйшихъ формъ волеизъявленія, не утерявшая своего значенія и нынѣ, въ томъ случаѣ, если эта присяга обставлена полной свободой: хочешь присягай, хочешь нѣтъ.

Наконецъ есть еще одинъ способъ волеизъявленія, выдуманный русскими изъ-зами.

Временное правительство, *волею народа*, по почину Государственной Думы *возникшее*...

Это формула въ моемъ присутствіи была изобрѣтена Керенскимъ 3 марта 1917 года и вставлена имъ въ отреченіе Великаго Князя Михаила Александровича.

И надо сказать правду, что временное правительство тогда дѣйствительно получило всеобщее признаніе. Нельзя отрицать, что по его адресу совершилось „свободное волеизъявленіе народа", выразившееся въ томъ, что его всюду привѣтствовали, никто не протестовалъ, а войска ему присягнули.

Правда, это правительство „волею народа возникшее", волею народа и было прогнано. Но это непремѣнно случится съ каждымъ правительствомъ, которое съ одной стороны не будетъ имѣть реальной силы, а съ другой стороны будетъ вынуждено въ силу ли собственнаго скудоумія или въ силу сложившихся обстоятельствъ продѣлать всѣ тѣ глупости, которыя продѣлалъ Керенскій.

Итакъ „любимое основаніе“ [illegible] „любимый цветъ“ нами не такъ просто и [illegible] для иллюстрированія думаются. Фотограф [illegible] при помощи Харпенскаго коло[illegible] что совершенно достаточно [illegible] любимый человѣкъ въ красивомъ [illegible] для того, чтобы хранить [illegible] съ нимъ.

Весьма возможно, что найдутся охотники повторить этотъ опытъ, замѣнивъ только красные фильтры—трехцвѣтными.

Кто пробуетъ, тотъ и убѣждается.

Б. Шульцъ.

ВОЛЯ НАРОДА.

Въ губерніяхъ, которыя образовали будто бы самостоятельное государство подъ названіемъ „Украина", приблизительно тридцать милліоновъ народа. Когда этихъ тридцать милліоновъ русскаго народа задумали перекрестить въ „украинцевъ", и образовать изъ нихъ отдѣльное отъ Россіи государство, казалось бы (съ точки зрѣнія людей проповѣдующихъ народоправство) слѣдовало поставить вопросъ: желаете ли вы, тридцать милліоновъ, „перекреститься и отдѣлиться"?

Конечно, можно утверждать, что народъ, сплошь безграмотный, ничего въ такомъ сложномъ вопросѣ непонимаетъ, что для рѣшенія такого рода дѣлъ нужно очень серьезную подготовку. Но такъ смотримъ мы — отчаянные реакціонеры и мракобѣсы. Для тѣхъ же, кто черезъ два слова въ третье повторяетъ слова святости демократіи и твердитъ о народоправствѣ, какъ объ идеальной формѣ правленія, такія возраженія абсолютно непріемлемы: народъ спросить надо.

Какъ же спросить народъ! Можно спросить его двоякимъ способомъ. Или же непосредственно, т.е., чтобы каждый отдѣльный человѣкъ далъ отвѣтъ: да или нѣтъ. Хочешь остаться русскимъ, или хочешь перевернуться въ украинца? Хочешь ли, чтобы твоя родина была, какъ прежде, соединена съ остальной Россіей, или же хочешь отдѣлиться отъ нея?

Этотъ способъ практикуется въ нѣкоторыхъ странахъ и при всѣхъ возможныхъ отчаянныхъ злоупотребленіяхъ все же, съ точки зрѣнія народоправства, долженъ былъ бы почитаться болѣе правильнымъ, болѣе выражающимъ такъ называемую волю народа, если она въ дѣйствительности существуетъ.

Есть другой способъ. Онъ состоитъ въ томъ, что народъ избираетъ извѣстное количество людей, которые, собравшись вмѣстѣ и поговоривъ, рѣшаютъ всѣ вопросы отъ имени народа.

Этотъ способъ съ точки зрѣнія народоправства гораздо хуже именно потому, что этимъ выборнымъ людямъ предоставляется рѣшать *всѣ вопросы*. Межъ тѣмъ выборы идутъ обыкновенно подъ какимъ нибудь однимъ опредѣленнымъ лозунгомъ, оставляя все остальное въ сторонѣ.

Однако заправилы нашей революціи рѣшили узнать подлинную волю народа, при помощи этого второго способа, т. е. при помощи выборныхъ людей, которые должны были рѣшить все въ такъ называемомъ Учредительномъ Собраніи.

Но въ теченіи выборовъ въ это самое Учредительное Собраніе выяснилось, что этотъ способъ выявленія истинной народной воли никуда не годится. Мы вѣдь не слѣпы. Всѣ мы видѣли, что людей выбирали исключительно потому, что неистово кричали на всѣхъ перекресткахъ: дадимъ вамъ миръ, дадимъ вамъ землю. Конечно, ни мира ни земли не дали, но когда русскій народъ выбралъ въ подавляющемъ большинствѣ соціалистовъ, то это было его отвѣтомъ въ томъ смыслѣ, что народъ въ данную минуту отнюдь не желаетъ воевать, но весьма желаетъ грабить помѣщиковъ. Вотъ эти два вопроса и могли только освѣщать выборные отъ народа въ Учредительное Собраніе въ томъ случаѣ, *если они желали быть добросовѣстными передатчиками „воли народа"*. Всѣ же остальные вопросы они рѣшали-бы отъ себя, а

вѣсъ не выжила ихъ изъ
мибыть ихъ избирателей по
лымъ вопросамъ они какъ
нибудь были совершенно менѣ

И никакія „протесты“ и да
этому дѣлу не помогли. Т.
редь, с вымокшей осенней кост
ротой, отмокнувъ ноги, жить
уроки не знать и не
помнить (это потому, что они
любятъ).

Но ничего не, хорошо,—пол
было выбрать той запасной
дительный Собр. ни и въ то
и вопросъ по поводу
въ указателяхъ и отмѣнѣ от
то губерній отъ Россіи (
удостоенъ внимательнаго

Всероссійское Учредительное
ными собраніе, но... кто т
мени „моей мечты“ порѣшили
ленія, хлопотать „моей же
побѣдителя. Малосознательн
Такъ-называемый народъ,
ную власть, что ее „взяли
ванія Учредительнаго Собр
Украйнскій народъ, т. е. вс
ную территорію, неотдѣлимую
Всероссійскомъ Учредительномъ
ратель профессоръ Грушевскій
ти имѣлъ это полное
снабженные инструкціями и
ными мѣстами, отъ собран
ванное Учредительное Собр
собою Украйну, вмѣсто „моей
ческаго народа лишь отъ украинскаго
ительнаго Собранія. Нѣкоторые
—ни имѣя времени въ Учр
Учредительное Собраніе у
ѣющаго населенія были изб
пятерыхъ или семи.

Но не это было. Полное
не имѣть Учредительнаго
мѣнилъ выборы, отъ кого не
вѣрилъ, отъ „моей мечты“ (
ного напоенному изъ ея
неполному изъ матросовъ, и

ковимаго по существу
вѣдомости евреевъ) жи
гибъ весь архивъ профессора Гру
ковскаго.

Тогда дезавуировавшій бомбардиро
мечтой городовъ русскихъ
ныхъ евреевъ „моей мечты“ собрался
Кіевѣ и постановилъ всесторонне
тивовать ни въ чемъ
дой, именемъ обманутаго

Это какого Учредительного Собра
нія.

Профессоръ Грушевскій бѣжалъ
„быстро какъ“ на автомобилѣ. До
бѣжалъ до Канева, гдѣ
ныя положили, онъ увидѣлъ
сти „украинскія народа“.

Нѣмцы спасли. Вышеприведенныя
Кіевѣ харьковскую рѣчь (
утверждая, что сказано
ского народа) и сказ
ность Юга Россіи
ками и австрійцами

Затѣмъ Грушевскаго
ломъ Скоропадскій, съ
царствованія которого
Затѣмъ хранила
ское

Спрашивается, объ
Собраніи и думали

Такимъ то образомъ
что мечты съ реальною
и „моя мечта“, а „
ная тѣмъ, что
этого самого
„
Учредительное Собраніе

Чтобы изложить
ческаго
ность
ную

В. Шульгинъ.

Истинная демократія.

„Скажите Шульгинъ, демократъ?". Съ этими словами обратился къ нашему сотруднику одинъ изъ членовъ Рады. А затѣмъ, на вполнѣ резонный отвѣтъ нашего сотрудника возразилъ: „царистъ, а по Вашему демократъ".

Вопросъ, конечно, не въ В. В. Шульгинѣ, а во всей той все растущей группѣ лицъ, которая, разочаровавшись въ революціи, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пополняетъ ряды сторонниковъ *конституціонной* монархіи.—Достаточно указать на кадетовъ, которые составляютъ главную силу Московскаго праваго центра, признавшаго конституціонную монархію формой правленія, наиболѣе соотвѣтствующей современному состоянію Русскаго народа.

Постараемся дать отвѣтъ почтенному члену Рады.

Да, г. оппонентъ, вся та группа которая теперь борется за конституціонную монархію, является истинной поборницей демократіи, такъ какъ *въ Россіи демократизмъ мыслимъ только въ формѣ монархіи*, конечно *конституціонной*. Республика, и въ этомъ пора убѣдиться, можетъ дать либо Пугачевщину (этотъ спеціально русскій видъ охлократіи), либо тиранію кучки вожаковъ—*олигархію*, но никогда не демократію. И это вполнѣ понятно. Для того, чтобы быть въ состояніи создать республиканскія формы правленія, необходима извѣстная стадія развитія самого народа. Необходимо, чтобы въ самомъ народѣ были укрѣплены понятія истинной свободы широко развито общественное мнѣніе, выработалась политическая перспектива, умѣющая подчинять свои частные и личные интересы, интересамъ цѣлаго. Это развитіе не дается на слѣдующій день, послѣ того, какъ народъ вышелъ изъ рабства. Оно вырабатывается долго и школой. Чтобы дойти до состоянія политической зрѣлости, народъ долженъ пройти періодъ младенчества и отрочества. Пока-же онъ пребываетъ въ состояніи отрочества или младенчества, онъ никакихъ демократическихъ формъ выработать не въ состояніи.

Конечно, съ внѣшней стороны и онъ можетъ принять форму республики, но эта республика не будетъ имѣть ничего общаго съ демократіей. Если власть, которая возглавляетъ страну будетъ слаба—республика выродится въ Пугачевщину; если она будетъ сильна—она выродится въ деспотію лицъ, пробравшихся къ власти.

Нужно-ли долго ходить за примѣрами?

То, что мы видимъ въ Великороссіи служитъ наглядной этому иллюстраціей.

Пусть не валятъ вину на Ленина и Троцкаго и прочихъ верховниковъ. Они не смогли бы быть у власти, если бы самъ народъ не создавалъ условій для ихъ дѣятельности. Прочность ихъ режима въ Великороссіи, отпраздновавшаго уже годовщину и не проявлявшаго никакихъ признаковъ внутренняго развала, подтверждаетъ это.

Другой примѣръ—Южно-Американскія республики. По формѣ это республики, въ дѣйствительности подлинныя деспотіи захватившихъ власть генераловъ, осуществляющихъ власть желѣзомъ и кровью, пока новый переворотъ не приведетъ къ власти новаго деспота.

Пусть нами не руководитъ [illegible] бынь, гдѣ быть—можетъ и вой[illegible], [illegible]ородоря особенностямъ каз[illegible] быта, болѣе демократическія [illegible] самоуправленія. Казакъ не [illegible] ничего общаго съ русскимъ [illegible] жизнь. Онъ не зналъ рабств[illegible] исторіи былъ для него мало[illegible] онъ привыкъ къ самоуправленію [illegible] этому здѣсь больше[illegible] порж[illegible] имѣлъ успѣхъ и меньше всего [illegible] царствовалъ. И все же и здѣсь [illegible] должны оцѣнить значеніе единов[illegible]. Похожія теченія Корни[illegible] Алексѣевъ, если не по формѣ, [illegible] существу—по общему мотив[illegible] признанію—были диктаторами [illegible] литературы этого времени.

[illegible] есть бороться противъ [illegible] давившихъ ихъ болѣе сильныхъ.

Какой же выходъ изъ создавшагося положенія?

Этотъ выходъ мы мыслимъ въ видѣ соединенія всѣхъ государственныхъ элементовъ подъ сѣнью *конституціонной монархіи*.

Только послѣдняя въ состояніи оградить народное представительство отъ Пугачевщины съ одной стороны и отъ безотвѣтственной тиранніи политическихъ проходимцевъ съ другой.

Что монархія можетъ быть и демократіей, примѣръ—Англія.

А—ъ.

Учредительное Собраніе по назначенію.

Если вы въ дурномъ настроеніи духа и хотите посмѣяться, не ходите въ кинематографъ или фарсъ: почитайте екатеринодарскую газету „Сынъ Отечества". Тамъ вы найдете образцы неподражаемаго комизма. Вотъ, напримѣръ.

„А выборы въ Учредительное Собраніе? Не обнаружили ли они поразительную политическую зрѣлость русскаго народа, съумѣвшаго разобраться въ своихъ друзьяхъ и врагахъ"...

Ахъ, дорогіе собратья по перу. Если вы такъ будете защищать идеи народоправства, то съ вашей партіей неизбѣжно случится то, что произошло съ арміей Керенскаго: она разбѣжится.

Итакъ, русскій народъ обнаружилъ политическую зрѣлость выборами въ Учредительное Собраніе. Въ этомъ развѣ не мѣшало бы-все таки вспомнить кого же, обнаружившій поразительную зрѣлость, народъ выбралъ.

Какъ извѣстно сіе пресловутое Учредительное Собраніе продолжалось одинъ день. Къ этому дню всякими кривдами и неправдами успѣло съѣхаться пятьсотъ человѣкъ. Остальные триста не могли пробиться сквозь гущу обнаружившаго поразительную зрѣлость народа: ихъ арестовывали и угрожали смертью.

Но вотъ пятьсотъ собралось. Точнаго состава у насъ нѣтъ подъ рукой, но приблизительныя цифры установить не трудно.

Было двѣнадцать кадетъ, изъ которыхъ впослѣдствіи два Шингаревъ и Кокошкинъ, „поразительно политически зрѣлымъ" народомъ убиты, были единичные представители правѣе кадетъ, а главную массу составляли соціалисты, разбившіеся приблизительно такъ: около трехсотъ было эсъ-еровъ и эсъ-дековъ и около двухъ сотъ большевиковъ.

Итакъ, больше одной трети, почти половину Учредительнаго Собранія составляли большевики. И вотъ для насъ не ясно: тотъ народъ, который прислалъ большевиковъ, его именно и считаетъ „Сынъ Отечества политически зрѣлымъ?

Вообще намъ многое не ясно.

Вотъ требуютъ теперь собрать Учредительное Собраніе вторично. Позвольте же васъ спросить, господа: большевиковъ вы тоже позовете? И для чего вы ихъ позовете?

Увы, мы побаиваемся, что это съ вашей стороны будетъ злая ловушка и грандіозная провокація. Вы ихъ позовете, они довѣрившись вамъ пріѣдутъ, а вы ихъ чего добраго арестуете и разстрѣляете. Вѣдь всѣ вы, господа соціалисты, одинъ миромъ мазаны. Большевики есть только порожденіе меньшевиковъ, а кровавый терроръ это неотъемлемая спеціальность эсъ-еровъ. Вы позовете большевиковъ во имя принципа „народоправства", но затѣмъ во имя того же принципа объявите ихъ „врагами народа", какъ это вы всегда дѣлаете съ вашими политическими противниками, будете ихъ травить тѣмъ или инымъ способомъ, если въ вашихъ рукахъ будетъ сила. Это будетъ отвратительно, но если вы этого не сдѣлаете, и станете на свободѣ съ кафедры Учредительнаго Собранія проповѣдывать большевистскія идеи, то это будетъ правильно съ точки зрѣнія „народоправства", но это будетъ до такой степени преступно въ отношеніи тѣхъ, кто лилъ

ть борьбу съ большевиками, с то-
ком пр...ву, а руки
скаж..., что никогда мы перед
остановимся.

Въ этомъ дѣлѣ, весь
ную группу мысли, к
ваетъ тысячами тѣхъ, боль
которые въ интеллигентной
отнесутся отрицательно къ
шимъ отношеніямъ къ
ческой власти, кто сочтетъ
ную борьбу съ большевиками
тивной,—этихъ не смѣетъ ни
Я не хочу оставить въ
либерть ихъ непротивленческими
тонами: обязанность
ческаго Собранія—
ть ихъ руки къ оружію
тельной Добровольческой
ческой части отношению къ
тать партизанство.

Чѣмъ тогда мы отличимся
повстанцевъ и ихъ противниковъ.

Вы не можете помочь
уединенности собранія Тр
Права (ваше оно тоже)
ленную почвенную санкцію
ной изъ этого собранія. Но,
выступая здѣсь съ этими
ниями, вы обязаны
ать. Ибо, если вы не поз
ь войной на тотъ
Учредительное Собраніе, а
ственно подготовляемыя имъ
ить сторонникомъ.

Какъ же вамъ
Какъ не знаете. Кто
рагументація должна въ самомъ
ѣ.

Вы видите изъ этого,
ѣ вамъ
ѣ этому
ѣ
ѣ
ѣ

жать и рѣзать другъ друга?

Неужели же, господа эсъ-эры, вы не понимаете, что то собраніе, которое пошло съ ножами другъ на друга, причемъ меньшинство разгромило большинство, неужели же вы не понимаете, что это собраніе потоплено безповоротно, ибо подлѣйшимъ равнодушіемъ всего русскаго народа, *который это Учредительное Собраніе избиралъ*, ясно показано, что этому народу, о выявленіи „подлинной воли“ котораго вы хлопочете, до вашего Учредительнаго Собранія ровно никакого дѣла нѣтъ.

И если вы теперь, отбросивши большевиковъ, а можетъ быть еще кого-нибудь (напримѣръ, лѣвыхъ эсъ-эровъ. Какъ? Вы изволите ихъ позвать? Развѣ ихъ нѣтъ?) созовете собраніе изъ однихъ правыхъ эсъ-эровъ, *опираясь на силу штыковъ*, то вы же должны признать, если вы не лицемѣры и не сумасшедшіе, что ничего общаго съ народоправствомъ и выраженіемъ „подлинной воли народа„ такое *подобранное вами собраніе* имѣть не будетъ.

Но допустимъ, вы это сдѣлаете,— вы созовете Учредилку по назначенію. Не претендуя на выраженіе „подлинной воли народа“, будете ли вы просто на просто собраніе цѣнныхъ русскихъ людей, достаточно авторитетныхъ и достаточно умѣлыхъ, чтобы вывести Россію на путь?

Предоставимъ, кто вѣруетъ. Мы же трѣзвымъ дѣломъ думаемъ, что это будетъ собраніе въ лучшемъ случаѣ болтуновъ и бездѣльниковъ, какими вы всегда были и какими и остались до сію пору.

Главной вашей красой, такъ сказать, pièce de resistance, явится Керенскій или быть можетъ вы его тоже выгоните вмѣстѣ съ большевиками?

Мы достаточно хорошо знаемъ почтеннѣйшаго Александра Федоровича, повѣрьте, знаемъ его гораздо ближе, чѣмъ нѣкоторые изъ екатеринодарскихъ спасителей отечества.

Керенскій былъ, дѣйствительно, лучше многихъ другихъ. Онъ не былъ кровожаденъ и былъ неисчерпаемо разговорчивъ. Когда разразилась революція, мы отлично знали, что временно все потеряно. Вопреки мнѣнію многихъ, мы думали, что мѣрами жестокости не остановить того процесса, который, разъ начавшись, долженъ былъ дойти до своего конца. Вопросъ шелъ только о томъ, чтобы этотъ процессъ совершился съ наименьшими потерями.

И намъ казалось, что „главноуговаривающій“, человѣкъ, который могъ безъ конца носиться изъ одного мѣста въ другое и безъ конца говорить рѣчи и воззванія, долженъ былъ бы наименѣе раскалять страсти въ то время, какъ процессъ шелъ своимъ чередомъ.

Дѣйствительность показала, что мы были правы. Болтовня Керенскаго, при всей ея пустозвонности, все же до поры до времени дѣйствовала нѣсколько успокаивающе и давала (до извѣстной степени) процессамъ, которые неизбѣжно должны были совершиться, совершаться болѣе или менѣе исподволь. Въ концѣ концовъ главноуговаривающій, какъ и нужно было ожидать, безнадежно запутался, вѣчно колебался между вѣрой въ свою болтовню и желаніемъ примѣнить силу, запутался и дошелъ до преступленія въ тотъ день, когда онъ назвалъ Корнилова *измѣнникомъ родины*.

До этого онъ, на нашъ взглядъ, хотя и былъ Хлестаковымъ, но Хлестаковымъ скорѣе полезнымъ, ибо никогда не взывалъ къ крови, а наоборотъ, старался утѣшать страсти.

Но Керенскій—одинъ разъ—въ то время, когда идетъ процессъ разло-

мыслъ и уничтоженіе—это т[illegible]ное. Но Керенскій вторично и въ [illegible] пре-ми. вотка нужно осилить, но об-стоятельства измѣнились, когда из[illegible] за-гипнотизированныхъ. А главн[illegible]-ловіе—личный нижній р[illegible]-дій чтобы не видать, что от-вернувшійся надоръ?

Но увы Керенскій все ли [illegible]этот-чество и торговать эть-ровъ [illegible]ядь, нельзя имѣть сильный и [illegible]гръ Черновъ, при которомъ, как[illegible]-лось, что же говорить по [illegible]-ству иногда не говорили о сп[illegible]-ныхъ государственныхъ дѣлахъ, вѣ[illegible]-дерѣями ему. А остальная бли[illegible]-жина Россія обречена снять [illegible]-вать этихъ Церетель, Гоцовъ, бер-мановъ, всю эту убогую кон[illegible]?

Неужели они смогутъ [illegible]-ять краденое бѣ, неужели для то[illegible]-чтобы вручить власть въ эти ли[illegible]-рукъ?

[illegible]—Учредительное Собраніе. Цинтровцы бесконечно [illegible] и не понимаютъ, что это имен[illegible] возстановить матиговую стратегію, митин-говое управленіе государствомъ, ми-тинговую дипломатію, т.-е. то, что ихъ отъ[illegible]-ли отъ власти, [illegible]-ухъ старая тепленая благополучность.

Какъ себѣ, сколько, хотите, сами теперь отвѣчайте. Какъ контуры круги мы не знаемъ, но мы имѣемъ этой сомнительной, набранной къ тому же для помощи самыхъ [illegible]-кихъ тріамвъ компаніи, политическ[illegible] не имѣетъ и не пользуется. Можетъ, если угодно, имѣть за это [illegible]-стоѣлять, какъ покойному [illegible]-гаетъ „Сынъ Отечества", утверждавшій, что В. Суворинъ на Дону и В. Шульгинъ на Кубани составили „[illegible]-говоръ" и во исполненіе этого [illegible]-вора подняли „бунтъ" противъ „*[illegible]-ставленія бывшаго Учредительнаго Собранія, упичтоженнаго силой вопреки Учредительнаго Собранія, ранѣе [illegible]-данной формы правленія*".

Хотя бунтъ, поднятый двумя [illegible]-сонами, есть, очевидно, юридическое понятіе, относящееся къ завоеваніямъ революціи, но мы готовы проклятъ предъ строгимъ судьями и зрителя[illegible]-ственнаго мнѣнія. *Учредительное Собраніе по назначенію не призывалъ и никогда не призывалъ.*

В. Шульгинъ.

Будущее Учредительное Собрание.

Часть спрашивают, есть ли написали, что Учредительного Собрания [illegible] Знаешь ли это, что вы, за [illegible] того Учредительного Собрания, что любимого одним лишь [illegible] [illegible] [illegible]

Далеко еще не исключена возможность, что правительство, или вѣрнѣе правительства, отчасти уже образовавшіяся, отчасти образующіяся въ будущемъ на пространствѣ Россійской Имперіи, принуждены будутъ вести съ этими самозванцами тяжкую борьбу. Эта борьба можетъ быть настолько тяжела, что безъ всякаго Учредительнаго Собранія правительство или правительства будутъ принуждены для прекращенія смуты и собственнаго ради спасенія просить законнаго монарха принять престолъ (кто будетъ въ то время законнымъ монархомъ, предугадать, разумѣется, невозможно).

Но можетъ быть и другое. Разочарованіе во всевозможныхъ полусовдепскихъ управленіяхъ и требованіе законной власти могутъ сдѣлать такіе успѣхи, что на Учредительное Собраніе будетъ въ концѣ концовъ ратовать горсточка интеллигентовъ, оставшихся вѣрными гремящему народовластію.

Но такъ какъ и тѣ, очевидно будутъ совершенно неисправимые „четырехвостики", то чтобы ихъ удовлетворить, хотя бы ихъ было кучка, надо будетъ вновь созывать Учредительное Собраніе на основаніи „всеобщей, тайной, равной и прямой".

И вотъ тутъ то, намъ думается, найдетъ коса на камень. На примѣрѣ съ скоромъ временемъ созываемой Краевой Кубанской Рады мы видимъ, какъ бѣдной „четырехвостикѣ" на нашихъ глазахъ обрубили нѣсколько хвостовъ.

Тоже вѣроятно произойдетъ и съ выборами въ будущее Учредительное Собраніе. Ни у кого не хватитъ смѣлости лишать избирательныя права тѣмъ кто съ оружіемъ въ рукахъ разрушалъ государство тѣмъ кого пришлось побѣждать, разстрѣливать и вѣшать. Не хватитъ смѣлости, потому что передъ каждымъ невольно станетъ вопросъ: неужели для того мы разстрѣливали „ихъ" и уложили столько жизней, съ своей стороны, чтобы „ихъ"-же и сдѣлать нашими владыками и вершителями судебъ.

Итакъ, будущее Учредительное Собраніе, если оно и будетъ, по всей вѣроятности будетъ избрано не на основаніи „четырехвостки". Но вѣдь нужно оно главнымъ образомъ „четырехвостникамъ", ибо остальные „нечетырехвостники", вѣроятно, обойдутся и безъ Учредительнаго Собранія. Спрашивается, зачѣмъ же тогда огородъ городить? Вѣдь „четырехвостники", для которыхъ главнымъ образомъ и собирается Учредилка, не признаютъ ее таковой, разъ она безъ 4-хъ хвостовъ.

Суммируя все вышеизложенное, мы приходимъ къ заключенію: въ вопросѣ о будущемъ Учредительномъ Собраніи, которое *когда то соберется*, нужно быть осторожнымъ. Не надо ни въ коемъ случаѣ дѣлать себѣ изъ него кумира и кланяться ему, какъ дуракъ писаной торбѣ, но не надо и объявлять его подъ хреномъ.

Одно несомнѣнно: еще очень большой промежутокъ времени отдѣляетъ насъ отъ той эпохи, когда нѣчто подобное Учредительному Собранію могло бы быть собрано.

Поэтому обо всемъ этомъ есть время подумать.

В. Шульгинъ.

ОИК-66594

* * *

Нѣтъ, кажется, понятія болѣе разсчитаннаго на человѣческое легковѣріе, чѣмъ понятіе *народовластія*.

Народъ, какъ таковой никогда не управляетъ.

Занятый своей повседневной работой, въ погонѣ за насущнымъ хлѣбомъ, онъ возделываетъ землю, занимается торговлей и промыслами, гдѣ-нибудь служитъ и не имѣетъ ни времени, ни охоты заниматься вопросами управленія. Если вы не вѣрите этому —посмотрите вокругъ себя, переберите въ умѣ вашихъ знакомыхъ, всѣхъ людей, съ которыми намъ приходится встрѣчаться, посмотрите на толпу, запоняющую улицы и площади, сколько изъ всѣхъ этихъ людей заняты вопросами политики и управленія и сколько совершенно чужды, ея, не знаютъ и ею даже не интересуются. Политика, управленіе—вещь сложная и можетъ быть удѣломъ только небольшихъ сравнительно группъ профессіоналовъ, посвятившихъ себя этимъ вопросамъ и хотя немного ихъ изучившихъ. Народъ никогда не управляетъ, а всегда находится подъ управленіемъ, и когда парализуются почему-либо органы управленія, попадаетъ въ состояніе полной анархіи. Примѣръ на-лицо.

Управляетъ всегда небольшая кучка людей, опирающаяся на послушную ей опричнину и правящую бюрократію, безразлично, будетъ ли это управленіе неограниченнаго монарха или самая передовая республика. Даже въ самой демократической республикѣ, существующей пока въ одной идеѣ, роль народа въ тотъ единственный моментъ, когда его призываютъ къ участію въ управленіи—въ моментъ выборовъ, напоминаетъ положеніе деревенскаго парня на сельской ярмаркѣ; онъ видитъ себя окруженнымъ бойкими торгашами, наперебой предлагающими ему свои товары, зазывающими его въ свои лавки и старающимися затронуть его наиболѣе чувствительныя струны.

Въ результатѣ получается, что на мѣсто оппортунистовъ садится радикалъ и управляетъ действительно ему народомъ приблизительно также, какъ его предшественникъ.

Народовластіе спеціально въ нашей русской обстановкѣ заключается въ замѣнѣ конституціоннаго управленія, управленіемъ той или иной политической партіи. Это—далеко не малочисленная партія. Если не считать лицъ причисляющихъ себя къ партіи номинально и совершенно не участвующихъ въ ея партійной жизни, русская партія имѣетъ 2—3 десятка, рѣдко сотню—другую дѣйствующихъ партійную работу. Чтобы уловить голоса —партіи обставляютъ свои программы большей или меньшей демагогіей, причемъ чѣмъ больше демагогіи, тѣмъ партія считаетъ себя болѣе демократичной, т. е. тѣмъ больше стремится опереться на голосованіе толпы и тѣмъ бойчѣе идетъ зазываніе зазываемаго деревенскаго парня.

Захвативъ власть, политическая кучка продолжаетъ управлять, опираясь на тотъ же бюрократическій аппаратъ, какъ свергнутый предшественникъ. Спрашивается: при чемъ тутъ народная воля и народовластіе?

Споръ о монархіи и республикѣ въ нашей русской обстановкѣ сводится не къ тому, будетъ или не будетъ управлять народъ, а будетъ ли управлять Россіей неограниченный Монархъ или та или другая политическая кучка—будь то кучка кадетовъ, меньшевиковъ, соціалистовъ-революціонеровъ или большевиковъ.

А—ъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА СССР

ЦѢНА 1 Р. 50 К.